



*«Прекрасным июльским вечером я еду на «Мерседесе».*

*Ее желание под номером три.*

*«Мерсичек» — точно, как мечтала. Вызывающе красный, двухцветная кожа салона, акустическая система, разгон до ста километров в час за считанные секунды.*

*Платеж — девяносто четыре тысячи в месяц. И сейчас ее любимчика, зависть всего двора, спортивный CLA-200, грузили на эвакуатор.*

*Вокруг соседи толпятся, языками чешут. С пятого этажа особо не разглядишь, но не сомневалась: рожки у всех злорадные.*

*И тринадцатый айфон про макс (желание номер шесть) лежит молча. Лучший в мире мужчина (в списке мечтаний первый) уже пятый день не звонит. Зато от бухгалтерши десяток пропущенных. Поставщик ждет оплату, сотрудники хотят полчку. А она банкрот. Полный ноль на всех*

*счетах. И нигде, даже под самую дикую ставку, кредит не дадут — месяц, как попала в чернейший из списков.*

*«Проси у вселенной максимум», — учила ее Елена. И она просила.*

*Куратор лично редактировала список желаний. Весело смеялась над школьной еще мечтой — открыть маленькое ателье.*

*«Те, кто ставит скромные цели, всегда будет считать копейки и бороться за выживание, — внушала наставница. — К черту швейную мастерскую. Дом моды! Верь в себя, тогда и другие поверят!»*

*И все ведь получилось. Было по-настоящему классно: собственный кабинет, секретарша в предбаннике, и на светофоре все головы в ее сторону.*

*Получить первый кредит оказалось несложно. И второй. И третий. Ну и пусть она должна сотни тысяч — все отобьется, когда дебютная коллекция прогремит.*

*И даже сейчас, когда прекрасное королевство рушилось, она ни о чем не жалела. Елена права: лучше промелькнуть яркой кометой, чем всю жизнь влачиться. А дожить до старости и нищенствовать на пенсионные копейки — глупо и примитивно.*

*Эвакуатор с любимым «мерсиком» выехал со двора, зеваки разошлись. Она еще раз взглянула на телефон. Принц так и не позвонил.*

*Но он ведь был в ее жизни, так что все не зря.*

*Открыла коробочку с таблетками, налила шампанского. Белые шайбочки обрастают пузырьками, растворяются элегантно. Желание быть всегда молодой в ее списке тоже имелось, шло под номером восемь.*

*Сейчас сбудется и оно.*

*Встряхнула бокал и залпом выпила.*

\* \* \*

*Официально присутствовать на тренировках родителям запрещалось, но кто хотел — пробирались. Пригибались, прятались за скамейками, по два-три часа сидели на холодном полу, подглядывали в щелку, грелись чаем из термоса.*

*Хоккей — спорт для мужчин, если по головке гладить, чемпиона не воспитаешь. Тренеры на детей постоянно орали. А если крик не помогал, горе-воспитатели проявляли изобретательность — так достучаться, чтоб провинившиеся надолго запомнили.*

*Месяц назад она впервые увидела «наказание по-тарасовски» — ледащего пацана (по счастью, не Юрочку) поставили безо всякой вратарской защиты в ворота и метали в него шайбами, пока не упал, не начал рыдать.*

*А сегодня и ее мальчику прилетело — за то, что посмел три раза подряд не попасть в створ. Сначала получил от тренера клюшкой по руке, а дальше отправили ползать по-пластунски — по всему кат-*

*ку. Товарищи по команде с удовольствием ржали. Родители в своем укрытии довольно громко перешептывались, что поделом, Юрка — увалень, давно его гнать пора.*

*Она сжалась в комок, прикусила губу до крови. Своих-то детей жалели, когда тренер бесчинствовал. Один папаша вообще психанул: выбежал на лед, тряс за грудки, обещал братков и прокуратуру. Но Юрочку беречь некому. Возила его няня, процессом не интересовалась, все тренировки просиживала в буфете.*

*И пусть сколько угодно говорят, что в спорте нельзя иначе и характер воспитывается наказаниями, — до чего больно смотреть, как Юра, весь в ледяной крошке, ползет из последних сил, а тренер и остальные громко хохочут.*

*Наплевала на конспирацию, встала в полный рост, выкрикнула: «Ну вы и сволочи!»*

*Выбежала в слезах.*

*Сколько еще ей придется платить — за одну роковую, глупую, считай, детскую ошибку?*

\* \* \*

Митя проснулся посреди ночи — а на него огромная луна смотрит. Точно в окно уставилась. Глаз прищурила. Мама говорила: на самом деле, это не глаз, а море. Только заполнено не водой, а вулканической лавой. Но все равно страшно.

Когда луна полная, мама всегда шторы плотно задергивала. Но теперь мамы нет, а тете Люсе все равно.

И пить хочется. На ужин были котлеты, ужасно соленые, даже папа жаловался, но тетя Люся отрезала: «Я здесь при чем? Фарш такой».

Митя вспомнил, как мама вертела ручку мясорубки, добавляла потом всякое разное, соль сыпала аккуратненько, по щепоточке, и спросил:

— Вы разве не сами делали фарш?

— Сынок, помолчи, — попросил папа.

А тетя Люся сразу орать:

— Я что тебе тут, разносолы наворачивать буду? Не нравится — ходи голодный.

— Можно я себе хлеба пожарю?

— Еще чего! Потом за тобой сковородку оттирать два часа?!

Папа скривился, но Митю поддержать даже не подумал — и к тетке Люсе, виновато:

— Не обращайтесь внимания. Переживает малец.

— Да понимаю, конечно, — поджала губы соседка. — Но и мне обидно. Целый день крутишься, а только одни претензии.

Обернулась к Мите, сказала строго:

— Носиться с тобой теперь некому.

— Есть кому! — У Мити сразу слезы из глаз. — Мама скоро поправится! Вернется! И все станет по-старому!

— Конечно, Митя, поправится. — Голос у папы лживый.

А тетка Люська усмехается гнусно.

Почему они все не верят? Мама молодая. Когда «Скорая помощь» приехала, выглядела, будто задремала. Как спящая красавица из фильма. И врач сказал: сердце бьется. Значит, все нормально будет. Тем более мамочка к нему приходит, просит потерпеть, совсем недолго. Обещает: скоро вернется, пирожков любимых ему напечет.

Митя послушно ждет, терпит. Но как же хочется пить после пересоленных котлет! И луна страшная, щурится на него, подмигивает.

Взял мишку Тоби любимого, крепко обнял. Одеялом с головой укрылся. Лето, форточка приоткрыта, ветер рвется, завывает, и еще всякие звуки. Может, ветки скребут по окну, а может, кто страшный лезет. Его любимый пес Арчи во дворе скулит жалобно, а сюда не позовешь, в теплую шерсть носом не зароешься. Тетка Люська сказала сразу: собаку уличную в доме она не потерпит. Хотя он не уличный совсем, а джек-рассел, мама ему мыла лапы, а потом разрешала в кровати спать.

Закутался еще плотнее, забрался под подушку. Но не уютно стало, а только хуже: вдруг чудовище неведомое с улицы уже в спальню прокралось и подбирается к постели, пока он не видит?

К маме бы, да хоть к злой соседке — только под теплый, взрослый, безопасный бочок! Но тетка Люська уже ушла, а к отцу не пойдешь — наругает. Скажет, что нельзя нюнить.

Уткнулся в свалывшуюся шерсть медвежонка Тоби и зарыдал в полный голос. Мама бы давно прибежала. Но папа в гостиной только телевизор погромче сделал.

\* \* \*

Данг снова проснулась от того, что плачет ребенок. Два часа ночи. Полная луна смотрит в окно.

Села на кровати, прислушалась. Соседка по комнате посапывает, за обеими стенками тишина. Девочки иногда засиживались, шумели — но не после субботы, когда клиентов сплошной поток, а в воскресенье еще больше будет. Да и рыдал именно малыш, а у них в общаге детей не имелось.

Значит, опять сон.

Злые люди на родине иногда называли ее *манг-кукулам*, черной колдуньей. Но это они от зависти. На самом деле Данг сроду с куклами вуду не баловалась, ни на кого злых заклятий не наводила. Но необычное в ней имелось. Вещие сны видела. Особенно в полнолуние. Мудрая бабушка советовала: никому про дар свой не рассказывать,



а то ведь и камнями могут забить. Но трудно удержаться, если знаешь: в твоих руках чья-то судьба.

До чего жалко мальчонку! Видит ребенка ярко, во всех деталях: худенький, бледный, слезы ручьем. И кто его мама, она знает. Нельзя равнодушно отвернуться. Оставишь ребенка в беде — навек себе карму испортишь.

\* \* \*

Были времена, когда Таня Садовникова чуть ли не все выходные проводила в спа-салонах. Любая новинка в Москве появится — сразу на себе тестировать. Массажы самые причудливые, лазеры, водорослями обертывалась, на флоатинге расслаблялась, в капсулы красоты залезала.

Отчим Валерий Петрович над любимой падчерицей посмеивался:

— Будешь у меня самая ухоженная старушка в Москве.

Поначалу Таня вскипала, возмущалась: следить-то за собой надо, а стареть она вообще не собирается.

Но с годами к бесконечному самоусовершенствованию охладела. Лучше утренней пробежки и здорового сна все равно ничего не придумали. А если уж ходишь омолаживаться, то только к проверенным мастерам.

Взять хотя бы ее филиппинскую массажистку — Данг. Не больше минуты по спине проскользят легкие пальчики, и сразу нащупывает проблему. Забитый трицепс. Слегка смещенный позвонок. Воспаленная мышца. Но никакого насилия или болевых ощущений — разминает мягенько, осторожно.

И в общении приятная. Охота Тане поболтать — всегда поддержит беседу. Но если видит, что клиентка не в настроении, работает молча.

Садовникова ходила к своей любимой мастерице второй год и как-то после массажа, расслабленная и одновременно взбодренная, вздохнула:

— Ох, Данг, уедешь домой — что без тебя делать буду?

— Я здесь еще три года, мадам.

— Надо мне свой отпуск под твой подстроить.

— Не волнуйтесь, мадам. В отпуск я тоже не поеду. Все дни к вашим услугам. Только в четверг выходной.

Таня даже чашечку с правильным травяным чаем оставила:

— Данг, ты с ума сошла? Как можно работать — четыре года без отпусков?

— Я бы хотела и на пятый остаться, если контракт продлят.

— Ты что, одинокая?

Лицо растеклось в нежной улыбке:

— Нет, мадам. У меня есть сын. Дочь. Еще дочь. Школьники. Но мы с мужем хотим построить свой дом, а на Филиппинах это очень дорого. Поэтому я вынуждена зарабатывать.

— Но дети вырастут без тебя!

— Мы каждый день общаемся по скайпу, я их вижу. И другого выхода у меня все равно нет.

Таня взглянула на массажистку внимательно: на жалость, что ли, хочет пробить, чтобы чаевых в следующий раз больше оставили?

Но смуглое спокойное лицо выражало одно лишь смирение и полную покорность судьбе.

Садовникова спросила:

— А в Москве тебе нравится?

— Не знаю, мадам.

— То есть как?

— Я здесь ходила только в торговый центр и однажды в поликлинику.

— Даже на Красной площади не была?

Данг смутилась:

— Я хотела. Но испугалась заблудиться в вашем метро.

— Ну нет, — решительно сказала Садовникова. — Это уже перебор.

И (как часто в ее жизни бывало) приняла спонтанное решение:

— Со следующего четверга начну тебя образовывать. Для начала покажу Кремль. И поужинать куда-то в приличное место сходим.

Данг отступила:

— Как вы сказали, мадам?

— Я хочу показать тебе свой любимый город.

Карие глаза сверкнули недоумением:

— Но мадам! Зачем вам это надо? Свое собственное время на меня тратить?

И голос настороженный стал. Таня рассмеялась:

— Данг, не волнуйся. Никаких черных помыслов я не держу. Банальное русское гостеприимство. Это же безобразие: второй год здесь живешь, а в Москве даже не видела ничего.

И в ближайший четверг ушла с работы пораньше. Подхватила у салона принаряженную Данг и повезла — сначала на Красную площадь, потом кормить — в «Доктора Живаго», тоже с видом на Кремль.

Филиппинка поначалу держалась скованно — то ли за лесбиянку Татьяну принимала, то ли еще какую злодейку с тайными намерениями. Но краеведческие рассказы (Садовникова к экскурсии готовилась, освежала в памяти матчасть про Кутафью и прочие башни) слушала с интересом, а когда пельмени ресторанные попробовала, опешила:

— Мы вроде точно такие ели. Из пачки. Но они совсем другие на вкус.

Таня весело объяснила:

— В России два вида пельменей. Заморожен-

ные, в магазине — это гадость. А в хорошем ресторане — произведение искусства.

— Они здесь просто удивительные, — похвалила Данг.

Глубоко выдохнула и спросила — голос решительный:

— Мадам! Вам что-то нужно от меня?

— Господи, Данг! Да что с тебя взять?

— Я не верю, что вы привели меня в ресторан просто так.

— А ты поверь. Я поставила себя на твое место. Каково, когда все близкие за тридевять земель? Ты безвылазно или в салоне, или в общежитии своей. Это ж свихнуться можно. А у меня все равно вечер свободный.

— Мадам. Вы очень добрая.

— Можешь меня Таней называть?

— Таня, — старательно повторила филиппинка, — приходите в следующий раз пораньше. Я буду стараться дополнительный массаж вам делать.

— Данг, да расслабься ты! Я не за выгоду — а от души. Будешь русскую водку пробовать?

Опять испугалась:

— Нет, нет! Мне завтра на работу.

— Ну а я за рулем. Тоже не буду. Ты на балете когда-нибудь была?

— Н-нет.

— В следующий раз ходим.

\* \* \*

С тех пор минимум раз в месяц Таня свою массажистку вытаскивала — просвещаться в Третьяковку, восторженно ахать в Большом театре, визжать на американских горках. Данг пыталась деньги совать, свою долю, но Татьяна спросила:

— Ты сколько в месяц получаешь?

Массажистка ответила.

— Я — в пять раз больше, — пожала плечами Таня. — Детей нет, дом не строю. Так что не забивай себе голову. Ты ничего не должна. Мне просто приятно тебя порадовать.

Данг взглянула внимательно. С виду простушечка, но глаза словно насквозь просвечивают. Садовникова спокойно перенесла «рентген» — скрывать нечего.

А массажистка торжественно произнесла:

— Хорошо, Таня. Я приму твое добро. Но, пожалуйста, больше никогда не оставляй мне чашечек. И когда я вернусь домой, на Филиппины, пообещай, что приедешь и будешь моим первым и самым почетным гостем.

— Договорились, — пообещала Садовникова.

В салоне никто про их дружбу не знал — общаться с клиентами в неформальной обстановке массажисткам запрещалось контрактом. Но телефонами девушки обменялись. Таня взяла с Данг

слово: если вдруг какая, не дай бог, беда, обязательно позвонить.

— Ты иностранка, язык не знаешь. Для тебя проблема неразрешимая, а мне — две секунды решить.

— Спасибо, Танья. Конечно.

Впрочем, Садовникова была уверена: гордая филиппинка и так тяготится, что за чужие деньги развлекается. Даже если с ней что приключится — беспокоить не станет.

Но Данг позвонила.

\* \* \*

В контракте написано строго: «Обсуждать клиентов категорически запрещается», но что еще делать, когда время свободное? А «окна» у мастеров имелись, особенно в будни. И подслушать, о чем между собой болтают, некому — администраторы все равно только английский язык понимают.

Клиентку по имени Женья (русскую букву «я» никто из девушек произносить не умел) дружно именовали *inahin* — что означало «курица». Вечно встрепанная, шарфик криво, без косметики, волосы в хвостик. И телефон во время сеанса не отключала. Отзывалась, правда, только на звонки сына (на него детская мелодия стояла). Отрывала от массажа собственное время, терпеливо слушала, давала указания. А однажды мальчика (лет

шести-семи, по имени Митья) с собой в салон привела. В отличие от запыленной мамы ребенок спокойный, одет аккуратно. Весь час, пока Данг поправляла *inahn* ее проблемную спину, смиренно рисовал в уголочке массажной комнаты.

Женья (хоть и курица) Данг нравилась: благодарила искренне, чаевые оставляла не шибкие, но еще больше их ценишь, когда понимаешь — клиентка не из богатых, деньги считает.

Никаких особых разговоров не вели — сам мастер личных вопросов никогда не задает, а клиентка не рассказывала. Но по одежде, манерам, сумочке понятно: на самых задворках среднего класса обретается. В сравнении с Таня — небо и земля.

Однако ходила четко раз в неделю: понимала, что с ее спиной меньше никак нельзя. Если случались форс-мажоры — всегда отменяла заранее, извинялась. И вдруг в свою традиционную субботу просто не пришла.

Сначала Данг даже обрадовалась — хотя бы появились у нее минут десять присесть, чайку глотнуть, прежде чем внепланового клиента подсунут.

В салоне правило: если у постоянного посетителя массажи вперед проплачены (это выгоднее, чем разово), отменять сеанс можно за три часа. А дальше — сорри, деньги сгорают.



Но Женья в ту субботу ни о чем не предупредила. Через пять минут после начала массажа администратор позвонила клиентке — та не ответила. Деньги с абонеента Женьи списали, а Данг подсунули отвратительного жиртреста на дагай<sup>1</sup>.

И в ту же ночь массажистке приснился плачущий Женин сын Митя. Обнимает медвежонка потрепанного, зовет жалобно:

— Мама, мамочка!

Но никто к малышу не подходит. Только собака во дворе воеет.

Данг проснулась, встала. Выглянула в окно. Луна полная, яркая. Значит, точно: сон не случайный. В полнолуние пустого не видится.

Что-то случилось с клиенткой. А ребенок без присмотра остался. Когда Женья с сыном по телефону болтала, вроде бы *papa* упоминался, но в ее видении к сыну не подошел, не утешил.

«И что тебе до того?» — спросила себя Данг.

Чужая страна, чужие женщина и ребенок.

Но вдруг малыш — вообще один в доме? И не знает, как выйти? Окружающую обстановку ей *показали* приблизительно, но точно не квартира. Коттедж или *dacha*. Обстановка скромная. На окне решетка. А если ребенок похищен?

---

<sup>1</sup> Традиционный филиппинский массаж ног, включает в себя элементы шиацу и китайской акупунктуры.

До утра массажистка уже не заснула. Пришла на работу с больной головой. Администратор, к счастью, сегодня Любочка. Называет их «девоньки», до клиентской кофемашины допускает. И поболтать с ней можно.

Данг подошла к стойке, сказала смиренно:

— Ко мне вчера клиентка не пришла. Хотя обычно очень аккуратно ходит. Можешь ей позвонить? Спросить, что случилось?

Любочка (как и сама Данг) прекрасно знала негласное правило: в день сеанса клиента беспокоят. Если вдруг просто забыл, могут время перенести на другой день, в виде исключения. А на следующие сутки (коли запись все равно пропала) звонить какой толк? Денег-то все равно уже не вернешь.

— Ну, не пришла — и не пришла. Что тебе до нее?

Пришлось соврать:

— Я для нее масло с лемонграссом берегу. Если ходить не будет, на других клиентов потрачу.

— Ладно. Позвоню.

Любочка нашла в компьютере номер, набрала, поставила на громкую связь. Длинные гудки.

— Домашнего телефона нет? — с надеждой спросила массажистка.

— Мы у клиентов не просим. В России их все равно почти все поотключали.

Данг против воли вспомнила старинный дисковый аппарат, что остался дома на Филиппинах еще от бабушки, и вздохнула.

— Ну, окей. Если Женья позвонит, передай, что жду ее всегда.

Весь день, пробегая мимо рецепции, с надеждой взглядывала на Любочку. Вечером уточнила:

— Не звонила Женья?

— Нет.

И тогда — не дожидаясь очередного страшного сна — Данг решилась.

Вышла на улицу. Прошла пару кварталов — в другую сторону от их общежития. Достала телефон. И нажала на имя «Тапуа».

Немыслимо, конечно, звонить клиентке в воскресенье в начале одиннадцатого вечера. Но Данг почему-то казалось: Танья поймет. И не станет сердиться.

\* \* \*

Чем старше родители, тем несносней становятся, — все подруги жаловались. Но оптимистка Садовникова радовалась: ее родичи не лежачие, не в маразме, что уже хорошо. А мелкие причуды можно пережить. Подумаешь, требует мамуля обязательного контрольного звонка в 23.00 — наберем, жалко, что ли. И олады (категорически вредные для фигуры) раз в неделю вытерпим. Да-

же вечные разговоры про «замуж и дети» научилась выслушивать покорно, не взрываться в ответ.

С любимым отчимом Валерочкой еще проще — впрочем, как и всегда было. Тоже стареет, конечно. Все больше толстеет. Про диету и плохой холестерин даже слышать не хочет. С любимой жилеткой (Таня подарила лет двадцать назад) расставаться не желает, самолично штопает дырки. Но хотя бы мозг, как мамочка, не выносит.

И готовит по-прежнему обалденно. Раньше только классикой баловал — борщи, бигос, отбивные с картошкой, — а нынче кулинарные программы смотрит, на инстаграммы продвинутых поваров подписался. То на креветки в сливочно-манговом соусе попадешь, то на мидии, маринованные по гламурному рецепту.

Сама Таня тратить время на готовку ленилась, поэтому искренне удивлялась:

— Охота тебе возиться?

Отчим улыбался:

— А что еще делать? Времени полно. И голод информационный заодно утоляю. Кроме кулинарных шоу, больше нечего по телевизору смотреть.

Тут не поспоришь — сама Садовникова зомбоящик в принципе не включала.

Жаль только, что недюжинные аналитические способности Валерочки втуне пропадают. Сколь-

ко раз выручал ее, вытаскивал, спасал! Притворялся, будто злится, но Таня-то не слепая. Да, Валера переживал, когда падчерица влипала в очередную авантюру, зато, если нужен своей любимице оказывался, на глазах молодец-подбирался. А нынче Садовникова ведет правильное, размеренное бытие. Отчим делает вид, будто этому рад. Но она и сама скучала, и Валерочку давно хотела встряхнуть-развлечь. А то потеряет старичок нюх или вообще в Альцгеймер впадет, без мозговой-то активности.

Поэтому, когда вечером в воскресенье позвонила Данг, Таня еле смогла скрыть радость. Массажистка винилась, что причинила беспокойство, а Садовникова ликовала: наконец-то хотя бы минимальный водоворот в монотонном течении бургерского существования!

Жаль, конечно, что не мир спасать. Но помочь филиппинке надо.

Валерочку поздним визитом пугать не стала. Позвонила и предупредила, что завтра к обеду приедет.

Мама бы сразу трепыхаться: что случилось, почему вдруг посреди рабочего дня?

Но отчим лишь уточнил:

— Ты не на диете?

Таня как раз собиралась затеять детокс на смузи, но, в предчувствии приключений, с удоволь-

ствием его отменила. Когда жизнь летит-несется, лишний вес не прилипнет.

С утра на работе включила турбонадув и в два часа покидала офис с легким сердцем — все, что планировала на день, исполнила, а право не отсиживать тупо от звонка до звонка, по счастью, давно себе выслужила.

Заскочила в продуктовый, приобрела икорки, колбаски, сырку хорошего — чтоб не являться к пенсионеру нахлебницей. И с удовольствием погнала на Сельскохозяйственную, где в однокомнатной квартирке на первом этаже проживал отчим.

Соблазнительные запахи уловила, еще когда парковалась.

Обняла Валерочку, порадовалась — выглядит неплохо, — спросила:

— Судак по-польски?

— Пф. — Он тоже окинул ее внимательным взором, понял: лично с Таней ничего не случилось, и усмехнулся: — Я похож на повара советских времен?

— Тогда... барракуда? Фаршированная икрой летучей рыбы?

— Нет, сегодня скромно. Запеченный карп на овощной подушке с грибами.

— Вау!

— И сугудай на закуску.

— Сугу-что?

— Пойдем.

Прошли в комнату — когда падчерица не свалилась как снег на голову, Валерочка всегда накрывал стол там. Ну, пижон, настоящий пижон становится к старости! Скатерть наглаженная. Приборы разложены по линейке. Кольца для салфеток завел!

Какой уж тут детокс! Таня копила аппетит с утра. Сугудай оказался семгой, маринованной по рецепту северных народов. Карп таял во рту. Не забыл отчим и про ее любимую корейскую морковку. А как удержишься от черненького из хлебопечки да с домашним маслицем на семи травах?

После обильной трапезы пришлось пуговицу на брючках расстегивать. Отчим тоже расслабил пояс домашних штанов.

Таня простонала:

— Раскормишь ты меня! До своих габаритов!

— Еще шоколадный фондан будет, — усмехнулся отчим.

— Нет, нет! Давай сделаем перерыв. У меня к тебе дело. Для твоей квалификации смешное, но я обещала помочь. Это не для меня. Данг попросила.

— Филиппинская девушка? Которую ты просвещаешь? — Валера, в отличие от мамы, знал все (ну, или почти все), чем Таня живет.

— Ага. Она. У нее клиентка на массаж не пришла и даже не предупредила. Телефон не отвечает. Данг волнуется.

Никакой тебе реакции в ответ. Молчит. Слушает.

Таня улыбнулась:

— Сама понимаю. Звучит глупо. Клиент — он и есть клиент, один ушел, другой появится. Но Данг... она, понимаешь, немного экстрасенс. И у нее нехорошие предчувствия. Ей снится, что сын этой клиентки один, плачет, а мамы нет нигде. Я знаю: ты предсказателям не веришь. Но Данг клянется, что у нее сны вещие. Ну, или она так считает. Иначе не позвонила бы мне. Для филиппинки это вообще неслыханно — малознамого человека побеспокоить, да еще вечером!

— Вы на каком языке общаетесь? — спросил вдруг Валера.

— На английском, конечно.

— А если клиент не знает английского?

— Администратор спрашивает пожелания по массажу и переводит.

— А в России твоя Данг давно?

— Второй год.

— Ясно.

Вроде бы ничего не сказал, но Таня вдруг вспомнила: они сидят в ресторане. Обсудили заказ, официантка уточняет, записывает. И Данг не



хлопает глазами, как обычный иностранец непонимающий. Явно вслушивается в русскую речь.

— Может, и понимает немного по-нашему, — запоздало признала Садовникова. — Но точно не знаю. Мне проще по-английски, чем корявый русский разбирать.

— Массажистки вообще народ смышленный. Шустрый, — усмехнулся Валера.

— Это ты к чему?

— Да так. Одну оперативную разработку вспомнил.

— Думаешь, Данг меня использует? — нахмурилась Татьяна.

— Ну, ты ведь по ее просьбе здесь, — парировал Валера. И поспешно добавил: — Хотя я очень, очень этому рад. А скажи, вы когда в рестораны вместе ходите, кто платит?

— Я. Но сама и предложила! У нее зарплата копеечная, детей трое. Она все домой отсылает!

— Танюшка, не горячись. Мне нужно знать, на кого я работаю.

— А ты ей поможешь? — просияла Татьяна.

Валерочка подмигнул:

— Придется. Раз ты говоришь — малоимущая.

— Не издевайся. Данг реально переживает!

Но по лицу отчима видела: в добрые намерения филиппинки тот ни капли не верит. Хотела продолжить спор, но осеклась. Какая ей-то разница? Хочет

Валера подозревать массажистку во всех смертных грехах — так и пусть себе. Если Данг действительно не окажется пушистой и белой, Тане урок. Впредь внимательнее себе подруг будет выбирать.

\* \* \*

Первым делом Валерий Петрович вызнал все, что мог, про «заказчицу».

Тридцать пять лет, муж, трое детей, медицинский сертификат. В России легально — рабочий контракт, налоги, регистрация в столице. Зарплата, похоже, занижена и санитарная книжка покупная, но тут не с филиппинки надо спрашивать. Сам Ходасевич по массажным салонам не ходил, но по работе сталкивался — когда под личиной релаксационных услуг скрывались бордели и наркопритоны, — поэтому следующим этапом проверил место работы Таниной подруги.

«Восточный СПА-рай» оказался разветвленной сетью — семь салонов в Москве, филиалы в Питере, Новосибирске, Екатеринбурге. Хозяин в лихие девяностые водил дружбу с орехово-зуюевскими, но уже в начале двухтысячных от бандитов отмежевался и ходил теперь под защитой бывших коллег Ходасевича. Возможно, иные массажистки в его салонах и оказывали клиентам сексуальные услуги, а потом их шантажировали, но пока что двигаться в данном направлении смысла не имело.

И Валерий Петрович перешел непосредственно к Таниной просьбе. Фамилия клиентки и номер ее мобильного в его распоряжении имелись.

Телефон принадлежал Евгении Петровне Сизовой. Гражданка проживала в Подмосковье, состояла в браке с Максимом Юрьевичем Тасенковым (однако фамилию оставила девичью). Воспитывала сына Дмитрия семи лет от роду. Трудилась главным бухгалтером в столичном фитнес-центре «Пегасус».

Не судима, ни на каких учетах не состояла. Хронических заболеваний — по крайней мере, официально — не имела. В районную поликлинику последний раз обращалась два года назад — сходила к терапевту, сделала флюшку (без патологии) и поставила спираль.

А в пятницу, двадцать пятого июня, ее экстренно госпитализировали в ближайшую больницу с обширным геморрагическим инсультом. Состояние в настоящий момент крайне тяжелое, прогноз неблагоприятный.

Ходасевич аж крикнул. Всего-то тридцать восемь лет женщине.

\* \* \*

Когда Данг узнала, горько расплакалась.  
А едва слезы высохли, твердо сказала:  
— Я хочу ее навестить. Как это сделать?

— Не знаю, — слегка опешила Таня. — Если инсульт, она, наверно, в реанимации. Туда не пойдут.

— А если денег дать? — вкрадчиво произнесла филиппинка. Поспешно добавила: — Я заплачу. Ты только узнай, кому.

— Но зачем тебе это? — Садовникова искренне не понимала.

Данг опустила глаза. Прошептала:

— Это просто моя просьба к тебе.

— Слушай, не держи меня за дурочку. Ты что, всех клиентов, кто заболел, ходишь в больницу навещать?

— Я хочу понять, что с ней случилось на самом деле, — отрезала Данг.

— Ты что имеешь в виду?

— Таня, дай мне слово, что не будешь смеяться. Хотя смейся. Я сумасшедшая, наверно. Дело в том, что я всегда предчувствую, когда у человека будет инсульт. Заранее. За две недели минимум.

Она взглянула на Садовникову с опаской. Но та заинтересовалась. Спросила с любопытством:

— А как это можно предчувствовать?

— Если совсем скоро будет апоплексия, кожа на голове становится очень горячая. И взгляд — будто из другого мира. Я своим клиентам уже два раза предсказала. Один раз дома. Второй — здесь, в России.

— И что с ними стало? — заинтересовалась Татьяна.

— Молодой мужчина сказал, что я дуга, — вздохнула Данг. — И умер. Через неделю. А еще одна женщина в Маниле тоже сначала ругалась. Но все-таки пошла к врачу, и у нее определили раннюю стадию. Вылечили. Она полностью восстановилась. Потом приходила деньги давать. Про меня даже писали в местной газете.

— Круто, — оценила Садовникова.

— Женья, как и ты, моя клиентка уже второй год. Я хорошо знаю ее тело. У нее хорошая кровь, сильное сердце и хладнокровный характер. Такие люди могут умереть от рака, от травм. Но у нее не было никаких предпосылок для удара. Десять дней назад, в прошлую субботу, она приходила. Я разминала ей шею, голову и не почувствовала ничего. Никаких предвестников. Поэтому я считаю, что врачи ошиблись.

— Ну, знаешь. В России медицина, конечно, не шедевр... особенно бесплатная. Но, по-моему, с диагнозом инсульт ошибиться трудно. Тем более сейчас томографы во всех больницах.

— С ней могли что-то сделать. И это вызвало удар, — тихим голосом произнесла Данг.

— Кто? Как? Зачем?

— Можно приготовить настой из лимонника и женьшеня. Дать выпить и прочитать заговор.

Травы повысят давление на тридцать или сорок единиц. А колдовство способно усилить его в несколько раз. И тогда давление поднимается до такой степени, что рвется сосуд. Но в организме не останется никаких следов. У нас на Филиппинах есть такая женщина... плохая. К ней обращаются те, кто хочет овдоветь.

— Господи, Данг, что за дикости ты рассказываешь!

Опустила глаза:

— Таня. Я никогда не лезу в личную жизнь клиентов. Даже специально стараюсь не вникать, если они что-то рассказывают. И когда по телефону говорят, не слушаю. Но я... я уже давно в России и немного знаю ваш язык. Говорить хорошо не могу, но кое-что понимаю. У Женьи... у нее нехороший муж. Она бухгалтер и работает много. А он... он, кажется, на ее шее сидит.

Таня (хотя и не хотела) вовлеклась в странный диспут:

— Но если за ее счет существует, какой смысл убивать? Она нужна ему здоровая и живая!

— У Женьи, несомненно, есть накопления. Дом, где они живут, лично ей принадлежит, я так поняла. Он законный супруг. Если она умрет, все ему достанется.

— Да откуда ты все это знаешь?

— Однажды муж ей звонил сразу после массажа и говорил про то, чтобы дом продать. А Женья кричала: «Нет, нет и нет». Назвала его *chiortov pakhlebnik*. Такие часто женятся на богатых, а потом идут к мастерам вуду, чтобы овдоветь.

— Слушай, Данг, но Россия — не Филиппины. У нас колдовство не настолько развито.

— Зато у вас почти все лекарства продаются без рецептов, — стояла на своем массажистка. — Они действуют сильнее, чем травы.

— Ну, хорошо. Прорвемся мы в больницу. Ты увидишь свою клиентку. И что? По ее внешнему виду определишь причину инсульта? Пойдешь в полицию и будешь там рассказывать про порчу? Данг, не смейся.

Карие глаза наполнились слезами:

— Я просто хочу посмотреть на нее. Может, смогу свою энергию ей передать. Или понять: выкарабкается или нет.

— И что, если нет?

— Тогда буду тебя просить, чтобы ты ее сыну помогла. На папу там нет надежды.

— Ох, Данг! — простонала Садовникова. — Насколько проще было, пока мы с тобой просто развлекаться ходили! Во что ты меня втягиваешь?!

Но отказать не смогла. И в их традиционный четверг, вместо ресторана или театра, поехали за

шестьдесят километров от Москвы, в Истринский район.

Сама Татьяна лечиться терпеть не могла, поэтому понятия не имела, как современные больницы выглядят. Если судить по частной клинике, где она раз в год check-up делала, — все вроде нормально, современно, быстро, вежливо. Мама и отчим пользовали поликлиники государственные и признавали: недостатки имеются, но в целом лучше, чем при СССР.

Больница Зареченска, куда привезли Женю, издали выглядела даже романтично. Старинный дом из потемневшего от времени красного кирпича окаймлен вековыми деревьями.

Но чем ближе подходили, тем более зловещим казалось место. Парк неухоженный, заросший, урны переполнены. Дорожки в глубоких выбоинах. Одноэтажный сарайчик с зарешеченными окнами и вывеской: «Морг».

На главном здании красовалась табличка, что построено оно в 1869 году, и раньше здесь располагался странноприимный дом. Кирпич выразительно осыпался, ступеньки в приемное отделение полуразрушенные, крыша в заплатах. Только пластиковые окна и новенький пандус для инвалидов указывали на то, что на дворе все-таки двадцать первый век.



Внутри тоже — преданья глубокой старины с редкими вкраплениями современности в виде электронной очереди, которая все равно не работала. Линолеум на полу вздулся, каталки грохочущие, старинные.

Перед травмпунктом толпа, вперемешку взволнованные мамы с детьми и нетрезвые дядечки с ободранными физиономиями.

Данг двинулась было к окошку с надписью «Регистратура», но Таня шепнула:

— Наш путь неофициальный.

Первый шок у нее миновал. Тоже наши реалии, ничего не поделаешь. Зато условностей меньше. В столице с тебя маску обязательно требуют, бахилы, паспорт и вообще посещения в связи с эпидемией ковид-19 запрещены. А здесь санитарным мерам особого значения не придавали — видно, и без того забот хватало.

Указатель утверждал, что реанимация располагается на третьем этаже и вход туда категорически запрещен. Таня вытянула из кошелька несколько пятисотенных купюр, распределила по разным карманам. Обернулась к массажистке:

— Нужна легенда. Кто мы ей? Подруг — пустят вряд ли. На сестер тоже не тянем.

— Можно назваться волонтерами, — предложила массажистка.

— Предложить помощь в интенсивной терапии? — усмехнулась Садовникова. — Не поймут.

— Мы можем быть волонтеры для Митья, ее сына. И прийти сюда по его просьбе.

— А ты соображаешь!

Они поднялись на третий этаж. Заняли выжидательную позицию подле двери с кодовым замком. Посторонних вроде бы не допускают, но из реанимации уверенной походкой вышла бабеха с хозяйственной сумкой — по виду совсем не медик.

Тане к ней подкатила:

— Скажите, пожалуйста, а как туда попасть?

— Так главный врач пропуск дает. Или с сестричками договориться. За малую благодарность, — словоохотливо объяснила посетительница. — Они только рады будут: все равно ухаживать некому.

Сама надавила на звонок, попросила:

— Аленушка, пусти девочек! Вы к кому? К Сизовой они!

Аленушка оказалась пышнотелой, кудрявой, щечки румяные, губки бантиком, вид мечтательный — будто не в больнице, а в библиотеке работает. С удовольствием приняла две пятисотенных (Таня решила не мелочиться). Выдала бахилы с масками, велела надеть одноразовые (но на вид сильно бывшие в употреблении) халаты и шапочки.

Спросила почему-то с надеждой:

— Вы пациентке родственники?

— Не совсем, — осторожно отозвалась Таня.

— Жаль, — вздохнула Аленушка. — Никому не нужна она...

В реанимации духотища, больные все голые, мужчины, женщины — вперемешку, в одной огромной палате. Стонут, кричат, какой-то старичок Алену попытался за полу халата схватить. Но та и ухом не повела, руку молча стряхнула, мечтательный вид сохранила.

Провела их в дальний угол. Драматически объявила:

— Вот она, горемычная.

Недвижимое тело. Глаза запали, утопают в черной синеве. Губы ввалились. К лицу лейкопластырем приклеены трубочки, соединяют рот и нос с натужно шумящим аппаратом.

Данг ахнула. Тане тоже стало жутко. Она не знала, как выглядела Женя до болезни, но женщине здесь лет шестьдесят. И смотрится она совсем, ну, абсолютно мертвой.

— Седьмой день в коме, — печально прокомментировала Алена.

— В медицинской? — с умным видом уточнила Садовникова.

— Если бы, — вздохнула медсестра. — Уже привезли ее в таком состоянии.

— А что можно сделать?

— Надо было сразу, как инсульт случился, экстренные меры принимать, — печально сказала Аленушка. — Сейчас поздно уже. — Добавила шепотом: — Врачи между собой говорят, что надежды нет. Хотят от жизнеобеспечения отключать.

— То есть ее мозг мертв? — спросила Садовникова.

Данг поморщилась. Алена — не слишком уверенным тоном — объяснила:

— Пока не мертв. Но доктора ставят «минимальное сознание минус» — это состояние, близкое к вегетативному.

— Можно... можно нам побыть рядом? — почти без акцента попросила Данг.

— Конечно, — кивнула медсестра. — Поговорите с ней. Такие больные все слышат. И им очень важно внимание.

Но Тане даже подумать было страшно — остаться подле недвижимого, незнакомого, почти мертвого тела. Не ее ипостась — «с больным сидеть и день, и ночь». Лучше действовать.

— Где ее лечащий врач? — строго спросила она у медсестры.

— Домой ушел. Он после суток.

— А главный на месте?

— Должен быть. — Аленушка взглянула с опаской.

— Отведите меня к нему.

\* \* \*

Садовникова представляла, что рулевой в захудалой больничке окажется пожилым, усталым, с мудрыми морщинками в уголках глаз. Но в ледяном холоде кабинета (в отличие от душной реанимации, кондиционер здесь имелся) ее встретил истинный выпускник Оксфорда. Ботинки сияли лаком, под безупречным халатом виднелись брюки в клетку, оправка очков блестела золотом.

Поначалу Тане доктор категорически не понравился. Но пригляделась: мужик не старый, а лоб весь в морщинах, глаза в красных прожилках. И наряд не из бутика. Брюки на пафосную марку «Bugberry» только клеткой похожи. На глянце башмаков проступают более темные пятна — похоже, маркером цвет восстанавливали. Можно только уважать человека. Пижонить на гроши — нелегкое искусство.

И английскую марку старается держать. Учтиво предложил чаю, спросил, чем может служить.

— Я по поводу вашей пациентки Евгении Сизовой. Она в реанимации, в коме.

Тот сразу насторожился:

— Вы ее родственница?

— Нет. Я волонтер. — Очень кстати оказалась легенда. — У Сизовой сын семи лет. Отец целый день на работе, ребенок один. Мы взялись помогать семье. Вот, пришла узнать... каковы перспективы.

Доктор снял пенсне (конечно, не золотое), взглянул цепко, светски молвил:

— Вы понимаете, что я не вправе разглашать медицинскую тайну?

— Да все я понимаю. Но мне нужно знать: есть ли у нее шансы?

— Шансы, шансы, — скривился денди. — Вы нашу больницу видели? Много у нас тут возможностей — больных с инсультом выхаживать? Может быть, технологии новейшие? Или хотя бы нейрореанимация имеется?

Он сухо добавил:

— Ее привезли уже в коме. Мы сделали все, что могли.

— Но теоретически — очнуться она может?

— Теоретически все бывает. Описан случай, когда пациент через девятнадцать лет в себя пришел. Но иллюзий лучше не питать. Это только в кино: красавицы проспят полжизни, а потом просыпаются здоровы, молоды и прекрасны. Или сериал я американский смотрел — очнулся, с койки вскочил и сразу побежал с врагами драться. Реальная жизнь печальней. После дня в коме шансы на полное выздоровление еще есть. Но прошла уже неделя. Даже если она придет в себя — скорее всего, останется глубоким инвалидом. Парализация — полная или частичная. Психические нарушения. А муж там такой, — он поморщился, — что возиться с ней не станет.

— Это я уже поняла, — вздохнула Таня.

— Кстати. Из больницы мы будем вынуждены ее выписать.

— Ээ... то есть как? Куда? — опешила Садовникова.

— Куда родственники скажут. В частное лечебное учреждение. Или домой.

Таня вспомнила пациентку — с трубками во рту и носу, подключенную к аппарату ИВЛ, и в растерянности спросила:

— Но кто будет за ней ухаживать — дома?

— А кто за ней будет ухаживать здесь? — парировал врач. — У меня средний медперсонал на две ставки работает. А ей нужно раз в два часа положение тела менять. Специальные мази от пролежней накладывать трижды в день. Кормить парентерально. Подмывать, слизистую обрабатывать. Поймите, милая девушка, — он сердито отодвинул чашку, — в реанимации я ее больше двух недель по регламенту держать не могу, а в отделении смотреть за ней никому.

— Разве можно выписать из больницы человека в коме? — искренне удивилась Татьяна.

— Угрожающее жизни состояние мы купировали. Сейчас ей в первую очередь нужен хороший уход. А его обеспечить в условиях нашего стационара невозможно.

Тут он прав.

— А если нанять для нее сиделку?

— Предлагали супругу. У нас девочки подрабатывают, частным образом. Он отказался. Сказал, дорого.

— Скотина, — не удержалась Таня.

— Не судите опрометчиво, — укорил доктор. — У меня одна пациентка после автокатастрофы больше года в коме пролежала. Родные за нее бились. Сиделка круглосуточно, шарлатанов каких-то приводили, разговаривали с ней, любимую музыку слушать давали. Куча денег, сил и надежд. В итоге все равно умерла.

— А у Сизовой... сколько шансов в сравнении с ней?

— Никто вам не скажет. На боль реагирует, еще кое-какие реакции сохранены. Но с каждым днем надежд на выход в ясное сознание все меньше.

— Скажите, пожалуйста, — вкрадчиво спросила Татьяна. — Это вообще нормально, что у такой молодой — и вдруг инсульт?

— Мы же не знаем, что ему предшествовало. Возможно, у пациентки гипертония имелась. Не диагностированная или непролеченная. Плюс общие факторы: гиподинамия. Алкоголизация. Стрессы.

— А вы анализы брали у нее?

«Англичанин» посуровел:



— Вот это поворот. Проверить меня решили? Или в мисс Марпл сыграть?

— Может, я, конечно, дилетант, но считаю: если insult у человека до семидесяти — это явно не просто так.

— А вы статистику посмотрите. Тяжелые мозговые нарушения сейчас очень помолодели.

— Но ее точно не отравили ничем?

— Слушайте, почему я вас до сих пор не выгнал?

— Так брали анализы или нет?

— Естественно, брали. Никакого *яда* или иных подозрительных субстанций. Но муж сказал: она накануне очень сильно понервничала.

— Понятно.

По грозному виду доктора Таня поняла: время сматывать удочки. Спросила максимально кротко:

— Что сыну-то ее сказать?

Врач вернул на переносицу псевдозолотое пенсне. Шумно, безо всякого английского лоска, прихлебнул чаю. Ответил жестко:

— Не знаю, что для ребенка лучше. Запомнить маму красивой и молодой или смотреть, как у нее изо рта слюна капает.

— Но... вы пока не собираетесь отключать аппараты?

— Не имеем права.

— А как это вообще происходит?

— Должна наступить смерть мозга. Чтобы ее диагностировать, собирается консилиум. Оценивают клинические признаки, проводят дополнительные исследования, делают контрольную энцефалограмму.

— Мите можно будет хотя бы с ней попрощаться?

Доктор мягко сказал:

— Давайте пока что надеяться на лучшее.

Садовникова вытащила кошелек, вытряхнула всю наличность — тысяч пятнадцать, разными купюрами. Попросила:

— Давайте, пожалуйста, найдем для нее сиделку. За счет... нашей волонтерской организации.

Доктор взглянул проницательно, но ничего не сказал. Вдавил кнопку селектора. Потребовал:

— Машу пригласите ко мне.

Кивнул Тане:

— Деньги сиделке лично отдайте.

Хоть и не англичанин — но джентльмен.

\* \* \*

Максим научился жарить яичницу в седьмом классе. Но сейчас, в свои тридцать девять годов, опять ее сжег. Просто затмение какое-то. Или Женька (хоть и лежит без сознания) на него порчу насылает?

Четыре хороших деревенских яйца пропали, вонь на всю кухню, и Митю чем кормить теперь? Он чертыхнулся.

Арчи вокруг стола крутится, колотит об пол хвостом. Тоже голодный. При Женьке было заведено, чтобы только специальные корма, но кому теперь ездить за ними? А доставка в деревню изрядных денег стоит. Так что пришлось Арчи перейти на простецкую собачью еду из сельпо — не нравилось, морду кривил, загребал, словно кот. И сейчас в миске завалялось со вчерашнего дня — опять выбрасывать.

Угольки из яичницы перестали шипеть. Прежде чем выбросить, отделил небольшую часть, кинул псу. Арчи смел в момент, глядит умильно, еще просит. Быстро элитная спесь слетела — вместо суперпремиума готов горелую яичницу глотать. Но больше давать не стал. Мало с Митькой хлопот — еще собаку придется лечить.

Соседка по выходным не помогала, и Максим с неудовольствием предвкушал очередную тоскливую субботу. Ковыряться на кухне, вести Митю гулять, слушать его бесконечное: «Когда мама вернется?»

Да, удружила жена, ничего не скажешь. Надо ж было: между землей и небом зависнуть! И что дальше делать? Врач вон вчера сказал — растением, в дреме, Женька хоть десять лет еще прожи-

вет. Но ему-то как быть? Работать, хозяйствовать, Митю поднимать. И безо всяких перспектив — формально считается женатым.

Жена, когда ребенка обсуждали, клялась — *игрушку* лично для себя заводит. И слово сдержала — бессонные ночи, колики и прочая хлопотня Максима вообще не касалась. С Митькой общался, только когда сам хотел, а едва сын начинал подхныкивать, Женька подскакивала, забирала. Вырастила в итоге тепличный цветок, плаксу. Кто мог подумать, классический маменькин сынок в итоге на его плечи свалится?

«Не буду ничего готовить. Хлеба в тостере пожарю, колбасы порежу — пусть ест», — решил Максим.

Но приготовить упрощенный завтрак не успел — звонок в калитку. Кого еще черти несут? Опять, что ли, из правления явились насчет борщевика вдоль забора ругаться?

Максим сунул босые стопы в дачные галоши, пошел открывать. Вот те ну те! У забора пижонский «Инфинити» стоит. А у калитки — фря. Вся такая столичная, гармоничная, сумка из крокодила. Но сиськи нормальные. Волнуется, взгляд заискивающий:

— Вы Максим Юрьевич?

— Ну.

Ладная девка. И, похоже, горячая.

— Меня зовут Таня. Ваш адрес дали в больнице, где Евгения лежит.

— И чего дальше? — насторожился.

Сглотнула, начала торопливо объяснять:

— Я из волонтерской организации. Мы помогаем семьям, кто в трудную ситуацию попал. Знаю, что вы один с ребенком остались, работаете, бабушек нет. Вот я и приехала. Могу обед приготовить. С Митей поиграть. Свезить его куда-нибудь, если нужно.

Он взглянул с сомнением:

— Ты ради нас — на «Инфинити» — приперлась из Москвы за шестьдесят километров?

Чутка расслабилась. В глазах искорки полыхнули:

— Имелись варианты поближе, но меня не привлекло. Зачем мне таджикские погорельцы или мать-одиночка с шестью детьми? Лучше до вас прокатиться. Все равно суббота.

Да, с кислородной соседкой не сравнить. И помощь на халяву всегда кстати. Но нет ли подставы какой?

Максим посмотрел пристально:

— А как твоя волонтерская организация называется?

— Никак, — пожала плечами. — Это просто чат у меня на работе. Туда скидывают информацию о тех, кому помощь нужна. У сотрудницы